

ПРЕДИСЛОВИЕ **ДМИТРИЙ БОВЛИН ПУЧКОВ**

Реальная история операции спецслужб США
и Колумбии по ликвидации главы кокаинового картеля

ЛИКВИДАЦИЯ

МАРК БОУДЕН

ENRIEL OTTO JUDICIAL
MEDELLIN

ЭСКО БАРА

ENRIEL OTTO JUDICIAL
MEDELLIN

18+ ⚠

Марк Боуден
Ликвидация Эскобара
Серия «Мировой криминальный
бестселлер (Питер)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73873222

Ликвидация Эскобара. / Марк Боуден Предисловие Дмитрий GOBLIN

Пучков: Питер; Санкт-Петербург; 2026

ISBN 978-5-4461-4352-8

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Это реальная история операции спецслужб США и Колумбии по ликвидации Пабло Эскобара, главы Медельинского кокаинового картеля.

Известный журналист Марк Боуден получил беспрецедентный доступ к сверхсекретным документам и стенограммам перехваченных телефонных разговоров наркобарона, провел десятки интервью с самыми влиятельными участниками процесса, включая президента Колумбии Сесара Гавирию и

главу элитного полицейского подразделения, преследовавшего Эскобара, полковника Уго Мартинеса, и создал захватывающее повествование, в котором ярко показал жестокое правосудие в нашем мире и изнанку войны с наркотиками.

Дмитрий Goblin Пучков написал предисловие к русскому изданию.

Содержание

Предисловие	7
Пролог. 2 декабря 1993 года	15
Восхождение Эль Доктора. 1948–1989	19
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Марк Боуден

Ликвидация Эскобара

KILLING PABLO

THE HUNT FOR THE WORLD'S GREATEST OUTLAW

MARK BOWDEN

Grove Press
New York

Предисловие *Дмитрий GOBLIN Пучков.*

Переводчик *О. Морозова*

© ООО Издательство «Питер», 2026

Предисловие

Всем известно, что главный потребитель наркотиков на планете Земля – это США. У граждан США денег много, спрос – огромный, продажи – космические. Но тамошние власти лицемерно рассказывают о том, какую суровую борьбу они ведут с наркоторговлей. Борьба заключается в ликвидации главарей – якобы после этого наркоторговля исчезает. Хотя даже это они нормально сделать не могут. О чем и рассказано в книге Марка Боудена (в оригинале – *Killing Pablo*). Отличная книга про то, как США поперлись в Колумбию убивать Пабло Эскобара. Обращаю внимание: **чтобы организовать бессудную расправу, то есть убить гражданина суверенной страны.** В общем, все в лучших американских традициях.

У американских спецслужб подход известный. Перво-наперво они опираются на технологии, а не на людей. Ну, то есть прослушивают телефоны, «вешают» самолет-разведчик, перехватывают радиопереговоры. Никаких агентурных внедрений, никаких хитрых оперативных комбинаций... Американцы в этой безусловно правдивой книге крайне бестолковые: «сейчас подслушаем», «теперь подсмотрим» и «на основании полученной информации сделаем, что надо». Но в итоге, как это ни странно, ничего не получается.

Ну а Пабло Эскобар был похитрее, чем американские опе-

ративники. Колумбийскую полицию он скупил на корню, ему постоянно все сливали: где что слышно, что видно, как тебя ищут и куда надо бежать. Верных людей Пабло готовил по-разному. Например, массово строил жилые дома для бедноты, детские сады для их детей, возводил школы и стадионы, нуждающимся раздавал деньги. Поэтому колумбийцы, которые от своих демократических властей ничего подобного не получали никогда, стояли за наркобарыгу горой. Эскобар давал работу, обеспечивал жильем, учил детей и даже растил футболистов. Так Эскобар стал народным героем – при том что его подельники убили несколько министров юстиции.

Ну а на самом деле самовлюбленный, наглый, свирепый уголовник, прикинувшись Робин Гудом, покупал бедняков подачками и зрелищами. Никакой романтики вокруг данного персонажа в книге нет. Это в идиотском сериале «Наркос»», сделанном на основе нездоровых фантазий сценаристов, судьбу Эскобара подают с точки зрения победителей. А на самом деле все было совсем не так.

Колумбия – страна с «крепкими демократическими традициями», то есть верный вассал демократических США. По ходу бандитских разборок в городе Медельине (это родной город Эскобара) убивали по сотне человек в день. В наемные убийцы брали детей в возрасте до двенадцати лет, ибо они не попадали под уголовную ответственность. По заказу наркобарыг из джунглей выбегали местные партизаны и

штурмом брали правительственные здания, откуда их вышибали танками. Пехота США металась по колумбийской сельве, где без суда и следствия уничтожала огромные лаборатории по производству кокаина. Вместе с персоналом.

А что Пабло? А Пабло все эти полицейские операции и мероприятия счастливо пережил, потому что заботливые земляки из полиции постоянно держали его в курсе. И тогда американцы проявили не свойственную им сообразительность – начали «сливать» всю добытую информацию конкурентам, картелю Кали из города Кали. А для чего сливают информацию поделщикам – конкурентам бандита? Исключительно для того, чтобы они этого бандита убили. А за это им обещали не трогать *их* наркоторговлю.

В итоге Пабло все-таки убили. Но после такой «мощной» победы поставки кокаина в США не сократились ни на килограмм! Выращивают и поставляют в тех же объемах. США ежегодно тратят большие деньги на полив плантаций коки дефолиантами (благо со Вьетнама, где они отравой под названием *Agent Orange* все джунгли залили, опыт есть). Но как только коку таким вот образом полиют, на плантации выбегают колумбийские крестьяне с ранцами воды – смывать с кустов всю эту гадость. И дальше все снова нормально растет. А если не успеют и листья опадут – не беда, там кока дает три урожая в год. Поставки кокаина в США, повторюсь, не сократились ни на килограмм.

В общем, в книге подробно рассказано, как на самом де-

ле все работает. Рассказано и о том, что сам Эскобар коку не выращивал, он доставлял продукт в США и гарантировал оплату. Так что в сказки про «борьбу с наркотиками» и в то, что можно решить проблему, отстреливая главарей, там никто не верит. Американцы не сокрушили систему производства и доставки, а всего лишь убили одного неугодного.

Проблема ведь не в конкретном наркобарыге. И даже не в подельниках или последователях. Проблема в потреблении. Культ легких денег, красивой жизни, невежество, маргинализация – вот «злонравия достойные плоды». Наркокультура, такая интересная и красивая в американском кино, несет смерть невинных, страх, насилие и подрыв государственности. В этом смысле Эскобар – собирательный образ настоящего латиноамериканского капитализма.

Пабло Эскобара убили. Это не изменило ход мировой истории, ни на грамм не сократило наркотрафик. Но это убийство кардинально изменило подход барыг к наркоторговле. Лидерство перехватили мексиканские картели. Процесс «перехвата» начался еще до убийства Пабло, в 1989 году. Наблюдая за ослаблением коллег Эскобара, мексиканец Амадо Каррильо предложил колумбийцам в качестве оплаты за свои логистические услуги «откидывать» ему долю в 30–50 процентов. Уже после разгрома медельинского картеля он начал закупать кокаин напрямую у местных фермеров. И так Колумбия перешла в разряд производителей, а Мексика стала основным поставщиком. Вот оно – дело рук США: истре-

пав в боях группировку FARC и обезглавив медельинский картель, американцы усилили наркобарыг мексиканских.

Сейчас именно мексиканцы контролируют поставки всех видов наркотических веществ в Штаты. Все это сопровождается совершенно диким уровнем насилия. С десятков свирепых картелей воюют друг с другом. Против них воюют полиция и армия. Идет натуральная гражданская война. В условиях, когда полиция коррумпирована полностью, государство вынуждено отправлять на борьбу элитные спецподразделения. Масштабы жертв могут изрядно удивить – в Мексике ежегодно убивают десятки тысяч граждан, не говоря о пропадающих без вести.

Элитные подразделения, сотрудники которых проходят обучение в США и Израиле, оценив размах наркоторговли, стремительно организуют свои собственные наркокартели. В итоге мексиканские ОПГ эволюционировали в военизированные бандформирования со строгой и сложной структурой подчинения и управления. И все это в рамках конкуренции за североамериканский рынок сбыта.

Наркотики, например кокаин, выращивают в Перу или Боливии. Там же листья перерабатывают в пасту, пасту везут в Колумбию, в тамошних нарколабораториях из нее делают кокаин. Ну а кокаин везут продавать в США – через Мексику, через Панаму. У США есть граница с Мексикой, наркотики завозят через города Тихуана, Эль-Пасо, Сьюдад Хуарес и другие. Везут на машинах, везут на самолетах, ве-

зут даже на подводных лодках. Лодки небольшие, чуть ли не одноразовые. Лодку загружают в Колумбии, плывет она без экипажа по GPS до берегов США, там разгружают. К днищу сухогрузов крепят заряженные «торпеды», которые по приходу на место снимаются с корпуса и идут в указанное место.

В восьмидесятых по выходным десятки тысяч частных самолетов вылетали из США на Багамы, а потом возвращались обратно. Если каждый завозил по килограмму – можно представить, сколько получалось! Возили и на военных транспортниках. Военному авиадиспетчеру давали 25 тысяч долларов, чтобы он «смотрел в другую сторону», и вот за раз прилетало 6 тонн кокаина (об этом подробно есть в книге «Кокаиновые короли»¹).

Когда однажды эти рекордные 6 тонн задержали, американские борцы с наркотиками вспомнили, что силы охраны правопорядка перехватывают не больше 10 процентов от всех поставок. И пришли в ужас: это сколько же всего в страну загоняют?! А добрые колумбийцы дали совет: дескать, для производства кокаина нужен эфир, и если вы узнаете, сколько эфира поступает в Колумбию, вы сможете понять, сколько там производят кокаина. И тут внезапно выяснилось, что Колумбия скупает вообще весь эфир на планете Земля. Вообще весь! Такого масштаба американские спец-

¹ Гульотта Г., Лин Дж. Кокаиновые короли. – СПб.: Питер, 2024. Здесь и далее – примечания редактора. Примечания автора – в конце книги, в разделе «Источники и примечания».

службы даже представить не могли.

Через границу наркотики пропускают американские пограничники. Путь доставки множество, но пропускают именно они. Коррупцированная граница США, и не менее коррупцированная мексиканская. Переправка такого количества наркотиков означает ровно одно: с обеих сторон границы действуют люди на зарплате у картелей. Береговая охрана, ВВС, «честная» американская пограничная служба – все берут деньги за то, что мимо них везут наркотики.

Наркотики доставляют в города и там продают. Если услышите, что американский уголовный розыск не в курсе, что и где у них продают, знайте: это ложь. Все все прекрасно знают. Потому что завезти всякую дрянь в страну – это полдела. Главное – все это продать. И все успешно продается.

Ну вот – привозят, вот – продают, и продолжается это десятилетиями. И все это время в США ведется серьезнейшая борьба с наркоторговлей. Борьба БЕЗРЕЗУЛЬТАТНАЯ. А кто эту борьбу ведет? Полиция и тамошний наркоконтроль. Результатов не видно, меньше ничего не становится. А как же так получается? Полиция в доле? Не может быть, скажете вы? Может! Это ворье ничего не скрывает, вообще никак не таится. Все воруют и при этом все неплохо себя чувствуют.

И все же главное происходит не в Колумбии, не в Мексике и, боже упаси, не в Венесуэле. Главное – там, где наркотики массово употребляют и тратят на них немалые деньги. Все остальное – просто спектакль. Кровавый, лицемерный и аб-

солютно бесполезный.

Книга, повторяюсь, отличная!

За что я люблю свободу слова? Большинство граждан вообще не надо допрашивать, мучать и пытаться. Они сами про все расскажут – как толковый автор Марк Боуден. Ну а читателю остается только пот утирать от ужаса.

Дмитрий Goblin Пучков

Пролог. 2 декабря 1993 года

В день, когда застрелили Пабло Эскобара, его мать Эрмильда пришла к месту убийства.

Новость застала ее в клинике – накануне она почувствовала себя плохо и записалась на прием. С женщиной случился обморок, а когда она пришла в себя, тут же отправилась в Лос-Оливос, район на юге Медельина². Как утверждали репортеры в теле- и радиоэфирах, здесь все и произошло. Толпы зевак заполнили улицы, поэтому ей пришлось бросить машину и добираться до места пешком. Седая и сгорбленная, Эрмильда была еще вполне крепкой женщиной. Из-за впалых щек на лице резко выделялся длинный прямой нос, который и унаследовал ее сын. Сейчас массивные очки на этом носу съехали набок. Ссутулившись, она с видимым усилием продвигалась вперед, семеня короткими шажками. На ней было платье с нежными цветочками. Ее сопровождала дочь, которая из-за полноты с трудом попевала за матерью.

Кварталы Лос-Оливоса – это беспорядочная застройка двух- и трехэтажными домами с крошечными двориками, в которых растут невысокие пальмы, едва достающие до крыш. Полиция сдерживала людей, чтобы они не выходили за ограждения. Некоторые местные жители взобрались на

² Медельин – второй по значимости город и промышленная столица Колумбии, расположенная на севере страны.

крыши – хотели рассмотреть происходящее получше. Одни утверждали, что убитый – дон Пабло. Другие говорили, что полиция застрелила какого-то человека, но им оказался не Эскобар, которому снова удалось скрыться. Многим хотелось верить, что Пабло удалось сбежать. Дело в том, что Медельин был его родным городом. Здесь он разбогател. Здесь на его деньги были построены гигантские офисные здания и жилые комплексы, дискотеки и рестораны, а также жилье для бедных – тех, кому приходилось ютиться в лачугах из картона, пластика и жести и рыться в мусорных кучах, от вони заматывая рты и носы, выискивая все, что можно было отмыть и продать. Здесь он построил футбольные поля с освещением, чтобы рабочие Медельина могли играть по вечерам, здесь он участвовал в торжественных перерезаниях ленточек и, даже уже будучи легендой, иногда гонял мяч – по общему мнению, довольно резво для грузного мужчины со вторым подбородком. И здесь многие были уверены, что полиция не поймают его, не сможет, несмотря на все ее «Эскадроны смерти», тучи долларов от гринго, самолеты-разведчики и мало ли что еще.

В этом городе Пабло скрывался шестнадцать месяцев, пока за ним охотились. Он менял убежища, будучи уверенным, что местные ни за что не выдадут его, даже если узнают, ибо здесь в домах висели его фотографии в золоченых рамках, а люди молились, чтобы у него была долгая жизнь и много детей; ну а те, кто не молился, его боялись (о чем ему также

было известно).

Пожилая женщина и ее дочь решительно продвигались вперед, пока их не остановили суровые мужчины в зеленой униформе.

– Мы семья. Это мать Пабло Эскобара, – объяснила женщина помоложе.

Офицеры не шелохнулись.

– Разве у вас нет матерей? – спросила Эрмильда.

Когда же новость о прибытии матери и сестры Пабло Эскобара дошла до начальства, женщинам разрешили пройти. Сопровождаемые полицейскими мать и дочь двинулись мимо рядов припаркованных машин – туда, где мелькали огни скорой помощи и полиции. Телевизионщики ловили объективами камер их приближение, а толпа загудела.

Эрмильда перешла улицу – прямо к тому месту, где на островке газона было распростерто тело молодого мужчины. Во лбу зияла дыра, а глаза потухли и безучастно смотрели в небо.

– Идиоты! – крикнула Эрмильда полицейским и в голос захохотала. – Вы дураки! Это не мой сын! Это не Пабло Эскобар! Вы убили не того человека!

Но тут солдаты велели двум женщинам посторониться, и с крыши гаража начали медленно спускать пристегнутое к носилкам тело. Это был полный мужчина – босой, в светло-синих джинсах, подвернутых до щиколоток, и темно-синем поло. И без того широкое лицо распухло и было в крови.

На лице – окладистая черная борода и дурацкие квадратные усики – точь в точь как у Гитлера. С первого взгляда в мужчине было трудно узнать того самого Пабло.

Эрмильда задохнулась и замерла над телом. Вместе с болью и гневом пришло чувство облегчения, и еще страх. Облегчение – потому что для ее сына кошмар закончился. Ужас – потому что она знала: за его смертью последует еще большее насилие. Сейчас она хотела только одного – чтобы ее семью оставили в покое. Пусть страдания и насилие умрут вместе с Пабло.

Покидая это место, она сжимала губы, не желая выдавать эмоций, и остановилась лишь для того, чтобы бросить репортеру с микрофоном:

– По крайней мере, теперь он обрел покой.

Восхождение Эль Доктора. 1948–1989

1

Вапреле 1948 года не было более замечательного места в Южной Америке, чем столица Колумбии Боготá. Назревали перемены, словно накопился статический заряд, который ждал разрядки. Никто не знал, что именно случится, – только то, что оно приближается. Это был тот момент в жизни нации, а возможно и целого континента, когда вся предшествующая история казалась прелюдией к чему-то важному.

Богота, в те годы город с населением более миллиона жителей, «стекала» по зеленым холмам в широкую равнину. С севера и востока город окаймляли высокие вершины, а на юге и западе он лежал в плоской низине. Те, кто летел сюда на самолете, на протяжении часов не видели внизу ничего, кроме гор – рядов изумрудных пиков, самые высокие из которых были увенчаны белыми шапками. Свет, падая под разными углами на склоны волнистых хребтов, создавал причудливую игру различных оттенков зеленого: шартреза³, шалфея и плюща, и все они были изрезаны ручьями

³ Шартрез – ликер, зеленый цвет которого обусловлен настоем из 130 трав,

красно-коричневого цвета, которые, сбегая по склонам, постепенно сливались и расширялись по мере приближения к долинам рек, настолько глубоким в тени, что они казались почти синими. Внезапно из этих девственных хребтов появлялся вполне современный мегаполис – огромная бетонная глыба, занимающая бóльшую часть широкой равнины. Большинство домов в Боготе были двух– и трехэтажными, из красного кирпича. От центра к северу были проложены широкие благоустроенные проспекты с музеями, классическими соборами и изящными старинными особняками, соперничающими с элегантными городскими кварталами мировых столиц, но на юге и западе раскинулись трущобы, где нашли убежище те, кто из-за нескончаемого насилия покинул свои дома в джунглях и горах. Люди шли сюда в поисках работы и надежды, а вместо этого находили лишь ужасающую нищету.

В северной части города, вдали от этого убожества, должно было состояться большое событие – 9-я Межамериканская конференция. Министры иностранных дел всех стран полушария собрались, чтобы подписать устав Организации американских государств (ОАГ) – новой коалиции, финансируемой Соединенными Штатами и призванной повысить авторитет и мировое значение стран Центральной и Южной Америки. Город был приведен в порядок к мероприятию: улицы очистили, мусор вывезли, общественные здания под-

красили; на дорогах заменили указатели, а проспекты украсили разноцветными флагами и клумбами. Даже чистильщики обуви на углах улиц надели новую униформу. Официальные представители стран, принимавшие участие в заседаниях и раутах, которые проходили в этой удивительно урбанистической столице, надеялись: только что созданная организация принесет в регион, переживающий тяжелые времена, порядок и поднимет престиж на международном уровне. Но это событие привлекло и критиков, левых активистов, среди которых был молодой кубинский лидер студенческого движения по имени Фидель Кастро. С их точки зрения зарождающаяся ОАГ была подачкой, подкупом, вступлением в альянс с североамериканскими гринго-империалистами. Для идеалистов, съехавшихся со всего региона, послевоенный мир был лакомым куском, на который нацелились капитализм и коммунизм или, по крайней мере, социализм, и молодые бунтари, такие как двадцатидесятилетний Кастро, предвкушали десятилетие революций. Они хотели свергнуть закостенелые феодальные аристократии региона и установить мир и социальную справедливость, создать подлинный панамериканский политический блок. Они были современными, злыми и умными и с бескомпромиссностью, присущей молодости, верили, что будущее принадлежит им. Они приехали в Боготу, чтобы осудить создание новой организации, и планировали провести собственную общеамериканскую конференцию с организацией протестов по всему горо-

ду. Своим негласным лидером они избрали конкретного человека – популярного сорокадевятилетнего колумбийского политика по имени Хорхе Эльесер Гайтан.

«Я не человек, я – народ!» – таков был лозунг Гайтана, который он драматично произносил в конце каждой своей речи, и восторженные поклонники вскакивали с мест. По происхождению он был метисом: образование и манеры выдавали в нем представителя белого правящего класса, а внешность – смуглая кожа, широкое лицо и грубоватые черты – коренного жителя, выходца из низших социальных слоев Колумбии. Этот коренастый мужчина с густыми черными волосами не был баловнем судьбы, он был человеком из народа. Он никогда не относил себя к группке избранных – белокожих богатеев, которые владели большей частью земли и природных ресурсов страны и на протяжении многих поколений подчиняли себе правительство страны. Эти семьи управляли шахтами, владели нефтяными месторождениями, выращивали фрукты, кофе и овощи, которые составляли основу экспортной экономики Колумбии. С помощью технологий и капиталов, предоставленных могущественными корпоративными инвесторами из США, они разбогатели, распродавая американцам и европейцам несметные природные богатства страны, а обратно в Боготу везли роскошь и великолепие, составляющие конкуренцию великим столицам мира. Цвет кожи Гайтана одновременно отличал его от них и связывал с отверженными – народом Колумбии, теми, кто счи-

тался неполноценным, был лишен доступа к богатствам, даруемым экспортной экономикой, и привилегированным оазисам городского процветания. Но вместе с тем эта связь дала Гайтану власть. Каким бы образованным и влиятельным он ни был, он был навеки связан с теми, чья единственная возможность существовать – работать в шахтах или на полях за прожиточный минимум без шансов на образование и лучшую жизнь. И они составляли подавляющее большинство избирателей.

Времена были скверные. В городах росла инфляция и безработица, а в деревнях, что располагались в горах и джунглях, составляющих большую часть Колумбии, из-за отсутствия работы людей ждала голодная смерть. Протесты разгневанных крестьян, или *campesinos*⁴, поощряемые и возглавляемые марксистскими активистами, усиливались. Руководство Колумбийской консервативной партии и ее спонсоры, богатые владельцы шахт и сельскохозяйственных угодий, отвечали людоедскими мерами. Начались массовые убийства и бессудные расправы. Многие предвидели, что эти протесты и репрессии приведут к новой кровавой гражданской войне – марксисты считали восстание неизбежным. Но большинство колумбийцев не были ни марксистами, ни оли-

⁴ От *campesino* (исп. «крестьянин») – сельский житель, ведущий преимущественно натуральное или мелкотоварное хозяйство, чья идентичность и образ жизни неразрывно связаны с землей и традиционной общиной. Этот термин особенно важен в латиноамериканском контексте, так как ассоциируется с историей угнетения, борьбой за землю и уникальными культурными традициями.

гархами; они хотели мира. Они хотели перемен, а не войны. И они слышали их в обещаниях Гайтана. Это принесло ему бешеную популярность.

Выступая двумя месяцами ранее перед стотысячной толпой на площади Боливара⁵ в Боготе, Гайтан обратился к правительству с просьбой восстановить порядок и призвал собравшуюся перед ним толпу ответить на его выступление не одобрительными возгласами и аплодисментами, а молчанием, продемонстрировав одновременно и протест, и железную выдержку. Свои слова он адресовал непосредственно президенту Мариано Ospине.

– Мы просим власти прекратить преследования, – говорил он. – Этого просит собравшееся здесь большинство. Мы просим о малости, но существенной: чтобы наша политическая борьба велась в соответствии с Конституцией. Сеньор президент, прекратите насилие. Мы хотим, чтобы человеческая жизнь охранялась законом, это меньшее, что может просить народ. Наш флаг приспущен в знак траура, молчание этой толпы – немой крик наших сердец – просит лишь о том, чтобы вы относились к нам так же, как хотите, чтобы мы относились к вам.

На фоне взрывоопасной ситуации в стране молчание толпы звучало гораздо громче, чем могли бы звучать одобри-

⁵ Площадь Боливара – главная площадь в центре города, вокруг которой находятся некоторые из главных зданий страны: Дворец правосудия, Конгресс, президентский дворец Каса-де-Нариньо и Кафедральный собор.

тельные крики. Многие махали белыми платками. На таких грандиозных митингах, как этот, казалось, что Гайтан был готов вести Колумбию к законному, справедливому мирному будущему. Он играл на самых сокровенных чаяниях своих соотечественников.

Этот искусный юрист и социалист был, согласно докладу ЦРУ, подготовленному годы спустя, «убежденным противником олигархии и блестящим оратором». Он также был проницательным политиком, который превратил популистские призывы в реальную политическую силу. В 1948 году, когда в Боготе проходила конференция, Гайтан не только был народным любимцем, он также возглавлял Колумбийскую либеральную партию, одну из двух главных политических сил страны. Его избрание президентом на выборах, которые должны были состояться в 1950 году, всем казалось неизбежным. Однако руководство Колумбийской консервативной партии, возглавляемое президентом Оспиной, не включило Гайтана в состав двухпартийной делегации, назначенной представлять Колумбию на знаковой конференции.

Градус напряжения в городе нарастал. Колумбийский историк Херман Арсиньегас позже напишет о «пронизывающем ветре насилия, что дул из провинций». За день до начала конференции толпа напала на автомобиль с делегацией из Эквадора, а слухи об угрозе террористических актов подтвердились в тот же день, когда полиция поймала рабочего,

пытавшегося заложить бомбу в столице. В разгар этих волнений Гайтан спокойно занимался юридической практикой. Он знал, что до его звездного часа еще несколько лет, и был готов ждать. Пренебрежение со стороны президента только укрепило его авторитет среди сторонников, а также среди более радикальной левой молодежи, присоединившейся к акции протеста, хотя та вполне могла бы отвергнуть Гайтана как буржуазного либерала со взглядами, слишком мягкими для ее амбиций. Кастро договорился с ним о встрече.

Гайтан занимался защитой офицера, обвиненного в убийстве, и 8 апреля, в день начала конференции, добился оправдательного приговора. Ближе к обеду следующего дня несколько журналистов и друзей зашли к нему в офис, чтобы поздравить. Они весело болтали, спорили о том, куда пойти на обед и кто платит. Около часа дня Хорхе в окружении небольшой компании вышел на улицу. До назначенной встречи с Кастро оставалось два часа.

Выходя из здания, группа прошла мимо толстого грязного небритого мужчины, который сначала пропустил их, а затем обогнал. Человека звали Хуан Роа. Он остановился и молча навел пистолет. Гайтан резко развернулся и в поисках укрытия устремился обратно к зданию своего офиса. Роа открыл стрельбу. Гайтан, раненный в голову, легкие и печень, упал. Врачи в течение часа отчаянно пытались его спасти, но не смогли: он умер.

С убийства Гайтана начинается современная история Ко-

лумбии. В отношении Роа тогда было выдвинуто множество теорий: говорили, что он был завербован то ли ЦРУ, то ли консервативными врагами Гайтана и даже коммунистическими экстремистами, которые боялись, что стремительное восхождение Гайтана отдалит их революцию. Убийство в Колумбии всегда находит то или иное убедительное объяснение. Независимое расследование, проведенное сотрудниками Скотленд-Ярда, показало, что Роа, разочарованный мистик-одиночка с болезненной манией преследования, затаил злобу на Гайтана; а поскольку убийцу забили до смерти на месте, его истинные мотивы умерли вместе с ним. Какова бы ни была цель Роа, вместе с выстрелами он произвел хаос. Все надежды на мирное будущее Колумбии рухнули. Скопившийся статический заряд перерос в *El Bogotazo*⁶, вызвав столь сильную волну беспорядков, что большая часть столицы была объята пламенем революционного и вполне реального пожара, который перекинулся и на другие города. Многие полицейские симпатизировали убитому лидеру, поэтому присоединились к разъяренным толпам на улицах, как и студенты-революционеры, такие как Кастро. Левые, воодушев-

⁶ *El Bogotazo* (Эль Боготасо) – стихийное народное восстание, произошедшее в Боготе в 1948 году сразу после убийства Гайтана. Политик представлял интересы простых людей, поэтому *El Bogotazo* нельзя считать обычными уличными беспорядками, тем более что в результате погибли три тысячи человек и более двадцати тысяч получили ранения. Восстание послужило началом *La Violencia* (Ла Виоленсия) – десятилетней гражданской войны между сторонниками Либеральной и Консервативной партий, которая унесла жизни более двухсот тысяч колумбийцев.

ленные тем, что настал их момент, надели красные повязки и возглавили было толпу, но быстро осознали, что ситуация вышла из-под контроля. Полчища людей становились все больше, а протесты переросли в беспорядочные разрушения, пьянство и мародерство. Оспина ввел войска, которые в некоторых городах стреляли по людям.

Вместе с Гайтаном умерло и всеобщее видение будущего. Формальные попытки начать новую эру стабильности и сотрудничества безнадежно провалились; прибывшие иностранные делегации подписали устав ОАГ и покинули страну. Надежды левых начать эпоху коммунизма в Южной Америке угасли. Кастро укрылся в кубинском посольстве, пока армия выслеживала и арестовывала левых агитаторов, на которых возлагали ответственность за восстание. Но даже из отчетов ЦРУ о тех событиях можно сделать вывод, что левые оказались такими же жертвами, как и остальные. Для Кастро, пишет историк ведомства, этот эпизод стал глубоким разочарованием: «Возможно, поэтому на Кубе в 1950-х годах он использовал стратегию партизанской войны, а не революции через городские беспорядки».

В Боготе и других крупных городах *El Bogotazo* в конце концов было подавлено, но в остальной необузданной Колумбии оно продолжалось в течение многих лет, превратившись в кошмарный период кровопролития, настолько бессмысленного, что его называют просто: *La Violencia*⁷.

⁷ *La violencia* (исп.) – «насилие».

Около двухсот тысяч человек погибли. Большинство были *campesinos*, которых толкало на насилие религиозное рвение, стремление отстаивать свои права на землю и изобилие местных проблем. В то время как Кастро осуществлял свою революцию на Кубе, а остальной мир «сражался» в холодной войне, Колумбия исполняла кабалистическую пляску со смертью⁸. Частные и государственные армии терроризировали сельские районы. Правительство вело войну с парамилитарес и партизанами, промышленники – с профсоюзами, консервативные католики – с еретиками-либералами, а *bandidos*⁹ пользовались анархией, чтобы грабить. Смерть Гайтана разбудила демонов, которые имели мало общего с зарождающимся новым миром, а были связаны с глубинными проблемами прошлого Колумбии.

Колумбия – кажется, будто сама земля плодит преступников, – она всегда была неуправляемой, с дикой нетронутой природой, способной хранить тайны. От белых вершин Кордильер, образующих западный горный хребет, до экваториальных джунглей на уровне моря с густыми травами, непролазными кустарниками и могучими деревьями – здесь много укромных мест, где можно спрятаться. Есть уголки Колумбии, где до сих пор практически не ступала нога человека.

⁸ Это мощная метафора картины иррационального, фатального, непрекращающегося и крайне жестокого цикла насилия в Колумбии, который со стороны казался зловещим мистическим ритуалом, а не гражданской войной в привычном понимании.

⁹ *Bandidos* (исп.) – «разбойники», «бандиты».

Некоторые из них – те немногие места на этой основательно исхоженной планете, где ботаники и зоологи все еще открывают новые виды растений, насекомых, птиц, рептилий и даже мелких млекопитающих.

Оказавшись в изоляции, на этой земле расцвели непокоренные и упрямые древние культуры. Благодаря плодородной почве и богатому мягкому климату здесь росло все, поэтому не было особой необходимости в торговле и коммерции. Земля «опутывала» человека, как сладкая, цепкая виноградная лоза. Те, кто приезжал, оставались. Испанцам потребовалось почти двести лет, чтобы покорить один-единственный народ – тайрона¹⁰, живший в пышных зарослях предгорий Сьерра-Невада-де-Санта-Марта. В конце концов европейские завоеватели победили их оставшимся доступным способом – перебив их всех. В XVI и XVII веках испанцы пробовали править из соседнего Перу, но безуспешно, а в XIX веке Симон Боливар¹¹ пытался объединить Колумбию,

¹⁰ Тайрона – индейская цивилизация, расцвет которой пришелся на XI–XVI века. Характеризовалась иерархическим обществом во главе с жрецами-вождями, развитой торговой сетью и ритуальными центрами в горах Сьерра-Невада-де-Санта-Марта. Пришла в упадок после испанского завоевания. Потомками Тайроны считаются современные индейские народы коги и арсаро, сохраняющие традиционные верования.

¹¹ Симон Боливар (1783–1830) – государственный, политический и военный деятель, национальный герой Венесуэлы и генерал. Освободил от испанского господства Венесуэлу, Новую Гранаду (совр. Колумбия и Панама), Королевскую Аудиенсию Кито (современный Эквадор), в 1819–1830 годах стал президентом Великой Колумбии, созданной на территории этих стран.

Панаму, Венесуэлу и Эквадор в большое южноамериканское государство – Великую Колумбию. Но даже Освободитель не смог удержать эти части вместе.

Со времени смерти Боливара в 1830 году Колумбия гордилась своей демократией, но так и не научилась мирному политическому развитию. Ее правительство было слабым – как по сути, так и по традиции. В обширных регионах на юге и западе, а также в горных деревнях за пределами крупных городов процветали общины, которые совсем незначительно соприкасались с государством, правительством или законом. Единственным цивилизующим институтом, который когда-либо охватывал всю страну, была католическая церковь, и то лишь потому, что умные иезуиты соединили римские таинства с местными древними ритуалами и верованиями. Они надеялись взрастить некую гибридную религию, выведя христианство из языческих корней в местную версию Единой Истинной Веры, но в непокорной Колумбии католицизм пошел своим путем. Он превратился в нечто иное – в веру, основанную на связях с предками и полную фатализма, суеверий, магии, тайн... и насилия.

Насилие преследует Колумбию, как библейская чума. Две основные политические силы страны, либералы и консерваторы, только в XIX веке вели восемь гражданских войн из-за роли церкви и государства. Члены обеих партий в подавляющем большинстве были католиками, но либералы хотели убрать священников из политической жизни. Худший из

этих конфликтов, который начался в 1899 году и получил название «Тысячедневная война», унес жизни более ста тысяч человек и полностью разрушил все действовавшие тогда государственные и экономические структуры.

Оказавшись между этими двумя жестокими силами, колумбийские крестьяне научились бояться обеих и не доверять им. Своими героями они назначили разбойников, которые рыскали тогда по колумбийским первобытным лесам. Эти одиночки, готовые к насилию, бросали вызов всем и каждому. Во время Тысячедневной войны самым известным был Хосе дель Кармен Техейро, который играл на народной ненависти к враждующим сторонам. Техейро не просто грабил богатых врагов – землевладельцев, он наказывал и унижал их, заставляя подписывать заявления типа «Хосе дель Кармен Техейро бил меня пятьдесят раз кнутом в наказание за то, что я его преследовал». Он снискал славу за пределами Колумбии. Венесуэльский диктатор Хуан Висенте Гомес, стремясь обеспечить стабильность в окрестностях, подарил Техейро карабин с инкрустацией золотом.

Полвека спустя *La Violencia* породила новых преступников – людей, известных под именами Тарзан, Дескуите («мечь»), Тирофихо («меткий выстрел»), Сангренегра («черная кровь») и Чиспас («искры»). Они рыскали по сельской местности, грабили, мародерствовали, насиловали и убивали, но, поскольку они не были связаны ни с одной из основных враждующих сторон, их преступления многи-

ми простыми людьми воспринимались как урон, нанесенный власти.

Насилие ослабло только в 1953 году, когда генерал Густаво Рохас Пинилья захватил власть и установил военную диктатуру. Он продержался четыре года – его свергли более демократичные военные. Был разработан национальный план, согласно которому либералы и консерваторы должны были разделить кресла в правительстве и передавать друг другу пост президента каждые четыре года. Эта система гарантированно препятствовала любым реальным реформам и социальному прогрессу, инициированному правительством, поскольку любые шаги, предпринятые при одной администрации, могли быть отменены следующей. Пресловутые *bandidos* продолжали совершать набеги, воровать в горах и время от времени предпринимать нерешительные попытки объединиться. В конце концов, они не были идеалистами или революционерами – просто преступниками. Тем не менее на их «подвигах» выросло целое поколение колумбийцев. Для многих бесправных, запуганных и угнетенных бедняков *bandidos* стали героями, несмотря ни на что. Люди одновременно и радовались, и скорбели, когда армия, обслуживающая интересы олигархов, ловила их в Боготе одного за другим. К 1960-м годам Колумбия погрузилась в вынужденное статическое равновесие между марксистами-партизанами в горах и джунглях (современными преемниками традиций *bandidos*) и центральным правительством, в котором все

больше доминировала небольшая группа богатых элитных семей Боготы, бессильных что-либо изменить, да и не желающих перемен. Насилие, и так уже глубоко укоренившееся в культуре, продолжало проникать дальше и принимать все более извращенные формы.

Террор стал искусством, формой психологической войны с квазирелигиозной эстетикой. В Колумбии недостаточно было ранить или даже убить врага, существовали ритуалы, которые необходимо было соблюдать. Изнасилование должно было совершаться публично, на глазах отцов, матерей, мужей, сестер, братьев, сыновей и дочерей. Перед тем как убить человека, его сначала заставляли умолять, кричать до рвоты... или первыми на его глазах убивали тех, кого он больше всего любил. Чтобы посеять животный ужас и страх, жертвам наносили серьезные увечья, буквально уродовали, и оставляли на всеобщее обозрение. Мужчинам засовывали в рот их же гениталии, а женщинам отрезали грудь и натягивали на голову матку¹². И даже детей убивали не случайно, а медленно, с удовольствием. Отрубленные головы насажива-

¹² Убийцы совершали акт расчленения: извлекали матку и буквально натягивали ее на голову жертвы, как капюшон. Это не метафора, а описание реального садистского ритуала надругательства над телом – акта тщательно продуманной пытки и формы психологической войны, целью которой было не просто убийство, но тотальное уничтожение и запугивание; послание противнику об уничтожении его рода (матка – символ жизни); максимальное унижение человеческого достоинства и осквернение жертвы. Подобные «фирменные» методы (как «колумбийский галстук» в отношении мужчин) были своего рода автографом, способом группировки создать для нее определенную репутацию.

ли на пики и выставляли вдоль дорог. Колумбийские убийцы «внедряли» и «совершенствовали» уникальные методы и способы нанесения увечий своим жертвам. Фирменный почерк одной из банд: они перерезали горло своим жертвам, а затем протаскивали язык через этот разрез, будто уродливый «галстук». С этими ужасами редко напрямую сталкивались образованные горожане из правящих классов Колумбии, но волны страха ширились и распространялись повсюду. Ни один ребенок, выросший в Колумбии в середине XX века, не был застрахован от этого. Кровь текла, как мутные багровые воды с гор. Колумбийцы шутили, что бог создал их землю такой прекрасной, а природу такой богатой, что это оказалось несправедливо по отношению к остальному миру; заселив эти места самыми кровожадными людьми, он сравнял счет.

Именно здесь на второй год *La Violencia*, 1 декабря 1949 года родился величайший преступник в истории – Пабло Эмилио Эскобар Гавирия. Он вырос среди жестокости и террора, царивших на холмах вокруг его родного Медельина, и впитал в себя истории о Дескуите, Сангренегра и Тирофихо – все они к тому времени, когда он стал достаточно взрослым, чтобы слушать и понимать, превратились в легенды, а многие из них еще были живы и находились в бегах. Пабло превзошел их всех.

Преступником может стать каждый, но для того чтобы быть человеком, объявленным вне закона, нужны после-

дователи. Подобный человек всегда что-то символизирует, как правило, не прилагая к этому никаких усилий. Какими бы низменными ни были мотивы преступников (неважно, *bandidos* ли это с колумбийских холмов или увековеченные Голливудом Аль Капоне, Бонни и Клайд, Джесси Джеймс), огромное количество обычных людей сопереживали им и следили за их кровавыми «подвигами» с той или иной долей восторга. Их поступкам, пусть эгоистичным или бессмысленным, люди всегда приписывали гражданские мотивы. Преступления и акты насилия были ударами по деспотичной власти, недостижимой для простых граждан. Их хитрость и изобретательность в умении уходить от солдат и полиции прославлялись как проверенная временем тактика беззащитных.

Пабло Эскобар использовал силу этих мифов. В то время как иные преступники оставались лишь местными легендами, имеющими значение как абстрактный символ, его власть стала реальной и не ограничивалась пределами его страны. На пике его могущества даже существовал риск, что он узурпирует власть в Колумбии. В 1989 году журнал *Forbes* назвал Эскобара седьмым среди богатейших людей в мире. Но его свирепость превратила его в самого страшного террориста в мире.

Своим успехом он был во многом обязан уникальной культуре и истории своей страны, а также почве и климату, дававшими щедрые урожаи коки и марихуаны. Но не мень-

шую роль играла и личность Пабло. В отличие от других преступников, он понимал силу легенд. Он придумал свою. Он был жестоким бандитом, но у него была гражданская сознательность. Он был безжалостным криминальным авторитетом, но в то же время политиком, обладавшим по-настоящему выигрышным личным стилем, который, по крайней мере с точки зрения некоторых, нивелировал кровавый след, оставленный его деятельностью. Он был дальновидным, амбициозным и достаточно богатым, чтобы извлекать пользу из своей популярности. По словам бывшего президента Колумбии Сесара Гавирии, «он обладал своего рода врожденным талантом в области связей с общественностью». После убийства Пабло оплакивали тысячи людей. Толпа устроила беспорядки, когда его гроб несли по улицам родного Медельина. Люди отпихивали носильщиков и открывали крышку, чтобы прикоснуться к его холодному мертвому лицу. За его могилой и по сей день ухаживают с любовью, и она остается одним из самых популярных туристических мест в городе. Он что-то да значил для простых людей.

Что именно, нелегко понять, не зная Колумбию и не разобравшись в жизни Эскобара и тех временах. А Пабло был порождением своего времени и места. Он был сложным, противоречивым и, как следствие, очень опасным человеком, во многом благодаря таланту манипулировать общественным мнением. Но это же свойство – угождать толпе – было одновременно и его слабостью, тем, что в конечном итоге приве-

ло его к краху. Человек с амбициями, меньшими, чем у него, возможно, и сейчас продолжал бы открыто жить в Медельине, будучи состоятельным и влиятельным. Но Эскобара не устраивало быть просто состоятельным и влиятельным. Он хотел, чтобы им восхищались. Он хотел, чтобы его уважали. Он хотел, чтобы его любили.

Когда Пабло был маленьким мальчиком, его мать Эрмильда, оказавшая большое влияние на сына, дала обет перед статуей младенца Иисуса из Аточы в своей родной деревне Фронтиньо в департаменте Антьокия. Эрмильда Гавирия была школьной учительницей – амбициозной, образованной и необычайно способной, что было несвойственно большинству женщин того времени и тех мест. Она была замужем за Абелем де Хесусом Эскобаром, обеспеченным фермером, разводившим коров. Пабло был их вторым ребенком, у Эрмильды с Абелем уже родилась дочь. Позже у них родится еще четверо детей. Но Эрмильда была обречена на бессилие. При всей своей образованности и целеустремленности она знала, что ни ее амбиции, ни судьба ее семьи не зависели от нее. Она понимала это не просто абстрактным образом, как религиозные мужчины и женщины принимают окончательную власть Бога. Ведь она жила в Колумбии в 1950-е годы. Террор *La Violencia* проявлялся повсюду. В отличие от относительно спокойных городов, в таких деревнях, как Рионегро или ее родная Фронтиньо, где тогда жили Эрмильда и Абель, насильственная смерть была делом обыч-

ным. Эскобары не были революционерами. Они принадлежали к среднему классу. Так как они придерживались политических взглядов, близких местным землевладельцам-консерваторам, это делало их мишенью для солдат либерального правительства и повстанцев, разбойничающих в горах. Вот Эрмильда и искала защиты и утешения у младенца Иисуса из Аточи с неистовостью молодой жены и матери, дрейфующей в море ужаса. Она дала великий обет. Когда-нибудь она построит часовню во имя Иисуса из Аточи, если Господь уберет ее семью от либералов. Эту часовню спустя годы построил Пабло.

Рос Пабло не в бедности, как он и нанятые им специалисты по связям с общественностью утверждали позже. Рио-негро еще не был пригородом Медельина, а представлял собой конгломерат относительно процветающих животноводческих ферм в отдаленном районе. Когда родился Пабло, у Абеля в собственности были дом, двенадцать гектаров земли и шесть коров; также он обрабатывал уголья по соседству, которые продал когда-то известному местному политику-консерватору. В доме не было электричества, но был водопровод. Для сельской Колумбии это считалось верхушкой среднего класса, и условия улучшились, когда они переехали в Энвигадо – городишко к юго-востоку от процветающего Медельина, раскинувшийся по окружающим его зеленым холмам. Эрмильда была не просто учительницей, но и основательницей начальной школы в Энвигадо. Когда они пере-

ехали, Абель бросил фермерство и нанялся сторожем. Эрмильда занимала высокое положение в общине, ее хорошо знали и родители, и дети. Так что, уже будучи школьниками, Пабло, его братья и сестры выделялись. Пабло хорошо учился: этого, без сомнения, ожидала от него мать; и еще ему нравилось играть в футбол. Он был прилично одет и хорошо питался, о чем свидетельствовали его упитанные щеки. Эскобар любил фастфуд, кино и популярную музыку – американскую, мексиканскую и бразильскую.

К юности Пабло в Колумбии по-прежнему царил насилие, но яростный террор *La Violencia* мало-помалу ослабевал. Абелью и Эрмильде Эскобарам удалось избежать хаоса повсеместного насилия и создать комфортную жизнь для себя и своих семерых детей. По примеру неутомного, бунтарского поколения американской молодежи, воспитанной в достатке 1950-х, Пабло и его сверстники в Медельине не только учились, но и отрывались. Нигилистическое молодежное хиппи-движение под названием *Nadaísmo*¹³ зародилось в Энвигадо, где его основатель интеллеktуал Фернандо Гонсалес написал свой манифест «Право на неповиновение». Запрещенные церковью, едва терпимые властями, на-

¹³ От *исп. Nadaísmo* (с *англ.* «ничто-изм») – колумбийский вариант авангардистских движений в литературах обеих Америк в 1950-е и 1960-е годы (таких как бит-поколение в США). Содержит элементы экзистенциализма и нигилизма с символами динамичности городской жизни и непочтительного отношения к церкви. Результат *La Violencia* и других бурных событий 1940-х и 1950-х годов в Колумбии.

даисты высмеивали в песнях старшее поколение, одевались и вели себя возмутительно, а свое презрение к установленному порядку выражали привычным для шестидесятых способом: курили дурь.

Разумеется, марихуаны в Колумбии было с избытком, причем настолько забористой, что очень скоро колумбийская дурь стала золотым стандартом качества во всем мире. Пабло рано подсел на травку и употреблял всю жизнь: спал до полудня, проснувшись, закуривал и находился под кайфом до конца дня и всю ночь. Он был полным и коренастым, ростом чуть меньше 155 сантиметров, с округлым лицом и крупными чертами. Он зачесывал назад копну черных густых вьющихся волос, которые стриг не коротко – так, чтобы большая прядь свисала надо лбом и уши были закрыты; носил тоненькую полоску усов; а из-под полуопущенных тяжелых век смотрел на мир большими карими глазами, которые источали беспросветную тоску хронического наркомана. Бунтарство, очевидно, пробудилось в нем одновременно с пубертатом. За несколько месяцев до своего семнадцатилетия он бросил лицей «Лукрецио Харамильо», недоучившись три года до получения аттестата. Его стремление к преступной жизни, похоже, было продиктовано в одинаковой степени амбициями и скукой.

Вместе со своим двоюродным братом и верным товарищем Густаво Гавирией он стал проводить ночи в баре, который находился в неблагополучном районе под названием

Хесус де Назарено в Медельине. Он объявил Эрмильде, что не создан для школы или обычной работы. «Я хочу добиться большего», – сказал он. Свидетельством настойчивости Эрмильды или, возможно, долгосрочных планов Пабло стало то, что он никогда полностью не отвергал мысль об образовании. Через два года они вместе с Густаво ненадолго вернулись в лицей, но эти двое были старше своих одноклассников и вдобавок уже привыкли к свободе, суровой жизни улиц и разгульной жизни; в общем, они были хулиганами и вскоре даже начали драться с учителями. Ни один из них не доучился до конца учебного года, хотя Пабло, по-видимому, несколько раз безуспешно пытался сдать тесты, необходимые для получения диплома. В конце концов он его просто купил. Много лет спустя он заполнял книжные полки в своих домах стопками непрочитанной классики и иногда заговаривал о желании получить высшее образование. А когда его посадили в тюрьму, Эскобар заявил, что намерен изучать право. Несомненно, отсутствие формального образования питало его неуверенность в себе и разочаровывало Эрмильду, но никто из знавших его людей не сомневался в природной изобретательности Пабло.

Он стал преступником. В Медельине издавна существовала традиция теневого бизнеса. Типичный *paisa*¹⁴ был дель-

¹⁴ Сокращ. от *paisano* – так называют уроженцев департамента Антьокия и так называемого Кофейного пояса. Стереотипные положительные черты *paisa* включали, например, оптимизм и жизнелюбие, находчивость, предприимчивость, мобильность, трудолюбие, преданность семье, независимость, вульгарное чувство

цом, умеющим извлекать прибыль из того, чем он занимался. Этот регион славился своими *contrabandistas*¹⁵, продолжавшими многовековое традиционное занятие – провоз запрещенных грузов. Первоначально это были золото и изумруды, затем марихуана, а вскоре кокаин. К тому времени, когда Пабло бросил школу в 1966 году, контрабанда наркотиков уже стала серьезным бизнесом, который был не по зубам семнадцатилетним хулиганам. С медельинского уличного разводила началось восхождение Пабло по преступной карьерной лестнице. Но у него был план. Когда он сказал матери, что хочет добиться успеха, он, скорее всего, имел в виду два пути к достижению своей цели. В то время как *contrabandistas* контролировали теневую жизнь улиц Медельина, политическую и социальную жизнь законопослушных граждан определяла кучка богатых землевладельцев, а также текстильных и горнодобывающих промышленников. Это были доны, культурные и образованные люди, которые финансировали церкви, благотворительные организации и загородные клубы; их боялись и уважали и те, кто работал на них, и кто арендовал у них землю. Католики, приверженцы традиционных устоев, одним словом – элита, они занимали высокие государственные посты и переезжали в Боготу, чтобы

юмора, стремление к успеху и богатству, практичность и хитрость. Однако существовали и негативные аспекты, такие как конфликты с индейским населением колонизированных земель, «черная археология», поиск индейских кладов и последующая продажа сокровищ на черном рынке или организация наркотрафика.

¹⁵ *Contrabandistas* (исп.) – «контрабандисты».

представлять Медельин в национальном правительстве. Амбиции Пабло простирались на оба мира – законный и преступный, и в этом заключалось главное противоречие его карьеры.

Согласно распространенной легенде, Пабло Эскобар и его банда начинали с воровства надгробий с кладбищ, пескоструем убирали надписи и перепродавали. У него и правда был дядя, который занимался продажей надгробных плит, и Пабло, возможно, недолго работал на него в подростковом возрасте. Впоследствии Эскобара всегда забавляли истории о надгробиях и пескоструйке, но он их отрицал – впрочем, Пабло многое отрицал. Эрмильда тоже назвала эту историю ложью, и действительно, она звучит маловероятно. Во-первых, пескоструйная обработка похожа на честный труд, а Пабло никогда не тяготел к нему. А во-вторых, он был глубоко суеверным. Он был приверженцем языческой разновидности католицизма, распространенной в сельских районах Антьокии, где молятся идолам, например как Эрмильда – младенцу Иисусу из Аточи, и общаются с духами умерших. Кража надгробий – невероятное занятие для того, кто боится мира мертвых. Более правдоподобным кажется то, в чем он позже признавался сам: вместе с друзьями они промышляли мелкими уличными аферами, продавали контрабандные сигареты и поддельные лотерейные билеты, поджидали жертв на выходе из банка и ловко разводили их на деньги. Пабло был не первым мальчишкой с улицы, обнаружившим, что

отнимать деньги проще и увлекательнее, чем зарабатывать. Он был невероятно дерзким. Может быть, причиной была дурь, но Пабло открыл в себе способность сохранять спокойствие, рассудительность и даже жизнерадостность, когда другие пугались и теряли самообладание. Ему это помогало, когда нужно было впечатлить своих друзей и заставить их бояться. Позднее Пабло хвастался, что несколько раз в юности, имея лишь автоматическую винтовку, в одиночку грабил банки Медельина; и пока клерки выгребали деньги из кассы, он подбадривал их веселыми шутками. Именно безрассудство и хладнокровие выделяли Пабло среди его подельников, и именно эти качества сделали его их главарем. Вскоре его преступления стали более изощренными и опасными.

Судя по полицейским протоколам, Пабло стал матерым угонщиком еще до того, как ему исполнилось двадцать. Банда Пабло примитивную «тему» угона машин превратила в мини-индустрию: дерзко, посреди белого дня они вытаскивали водителей из-за руля, отнимали авто и в течение нескольких часов разбирали на ценные запчасти. На запчастях можно было хорошо подняться, при этом прямых доказательств угона не оставалось. Накопив достаточный капитал, Пабло занялся подкупом муниципальных чиновников в обмен на новые документы на угнанные машины, и необходимость разбирать тачки отпала. Похоже, в тот период у него случилось несколько серьезных столкновений с зако-

ном. Протоколы об арестах исчезли, но известно, что незадолго до своего двадцатилетия Пабло провел несколько месяцев в тюрьме Медельина, где, несомненно, завел связи с матерыми преступниками, которые впоследствии стали работать на него. Разумеется, пребывание за решеткой не отвалило его от преступной жизни.

Пабло наслаждался жизнью. Имея большой запас краденых двигателей и запчастей, они с Густаво собирали гоночные автомобили и участвовали в местных и национальных гонках. Его бизнес развивался. Со временем угон автомобилей в Медельине стал настолько безнаказанным, что Пабло придумал еще более прибыльную «тему»: он начал продавать защиту. Люди платили ему за то, чтобы он предотвращал угон, – так Пабло стал зарабатывать на машинах, которые не угонял, так же много, как и на тех, которые угонял. Щедрый со своими друзьями, он дарил им новые автомобили, украденные прямо с завода. Пабло оформлял поддельные документы на продажу и поручал сообщникам давать в газетах фальшивые объявления о продаже машин, чтобы все выглядело так, будто они приобретены законным путем.

Именно тогда, на заре своей преступной карьеры, Пабло приобрел репутацию человека, для которого хладнокровное убийство – всего лишь один из способов ведения дел. Возможно, это начиналось как метод взыскания долгов: он нанимал головорезов, которые похищали людей, задолжавших ему деньги, а затем требовал у их семей выкуп, равный сум-

ме долга. Если семья не могла найти деньги или отказывалась платить, судьба жертвы была предрешена. Иногда даже после получения выкупа человека демонстративно убивали – просто в назидание остальным. Это было убийство, которое сам Пабло рационализировал: в его мире человек был обязан защищать себя и свои интересы. Накопленные богатства требовали готовности это богатство отстоять. Даже добропорядочным бизнесменам в Медельине было трудно сыскать профессиональных и честных служителей закона. Если вас обманули, оставалось либо смириться с потерями, либо самому принять меры, чтобы поквитаться с мошенником. Когда же вы становились достаточно успешным, вам приходилось противостоять коррумпированным полицейским и чиновникам, которые хотели получить свою долю. Для растущей организованной преступной группировки Пабло подобная тактика становилась особенно актуальной. С ростом количества денег и объемов контрабанды пришла необходимость ужесточать дисциплину, наказывать врагов, взыскивать долги и подкупать чиновников. Похищение или даже убийство обманщика или предателя не только сохраняло баланс в бухгалтерских книгах, но и было предостережением.

В организации преступлений Пабло стал искусен настолько, что теперь его преступления не могли связать с ним напрямую. С самого начала он выстроил систему, в которой наемные убийцы не знали точно, кто их заказчик. Со време-

нем убивать людей стало нормой для Пабло. Это подпитывало его растущую манию величия и вселяло в окружающих страх, который, выдавая желаемое за действительное, Пабло принимал за уважение.

Похищение с целью выбивания долгов довольно скоро превратилось в похищение ради похищения – самостоятельную и доходную «тему». Самым известным делом, приписываемым молодому Пабло, стало похищение бизнесмена из Энвигадо Диего Эчаваррии летом 1971 года. Эчаваррия был авторитетным человеком – консерватором, владельцем фабрики; он пользовался большим уважением в высших кругах, но его ненавидели бедняки Медельина – рабочие, которых массово увольняли с местных текстильных производств. В то время богатые землевладельцы Антьокии расширяли свои угодья, выселяя целые деревни крестьян из долины реки Магдалена, не оставляя им иного выбора, кроме как перебираться в трущобы растущего города. Тело непопулярного владельца фабрики было найдено в яме неподалеку от места, где родился Пабло. Бизнесмена похитили шестью неделями ранее, избили и задушили, хотя его семья заплатила выкуп в пятьдесят тысяч долларов. Убийство Диего Эчаваррии имело двойной эффект. Оно принесло прибыль и утолило жажду социальной справедливости. Не было никакой возможности доказать, что это преступление организовал Пабло, и официально ему никогда не предъявляли обвинений, но все вокруг приписывали убийство ему, так что люди в трущобах стали

с восхищением называть Пабло Доктором Эчаваррией, или просто Эль Доктором (*El Doctor*). Это преступление имело все признаки формирующегося стиля молодого криминального авторитета: жестокость, неумолимость, ум и стремление к славе.

Похищение Эчаваррии в мгновение ока сделало из Пабло местную легенду. Оно продемонстрировало всем его амбиции и безжалостность, что было весьма кстати. В последующие годы он превратился в настоящего героя для многих жителей трущоб города Медельина благодаря своим широко разрекламированным благотворительным кампаниям. Хотя проблемы, существующие в обществе, были не чужды Пабло, его устремления оставались мещанскими. Когда он сказал матери, что хочет «добиться большего», он не имел в виду революционную смену общественно-политической формации в стране; он грезил о жизни в шикарном особняке, похожем на средневековый замок, как тот, что Эчаваррия построил для себя. Но он жил бы в этом замке не как человек, эксплуатирующий массы, а как народный дон, человек, обладающий властью и богатством, но не потерявший связи с простыми людьми. И тех, кто стоял между ним и его мечтой, Пабло был готов уничтожить.

2

Пабло Эскобар уже был опытным преступником, когда в

середине 1970-х годов произошел тектонический сдвиг: любители марихуаны открыли для себя кокаин. Контрабандные тропы, по которым осуществлялась поставки марихуаны из Колумбии в Северную Америку, превратились в скоростные магистрали для кокса – новомодного наркотика среди состоятельных молодых людей, ищущих острых ощущений. Кокаиновый бизнес сделал Пабло Эскобара и его коллег из Антьокии: братьев Очоа, Карлоса Ледера, Хосе Родригеса Гачу и других¹⁶ – богаче их самых смелых фантазий, одними из богатейших людей в мире. К концу десятилетия они контролировали более половины трафика кокаина, поставляемого в Соединенные Штаты, и получали от незаконной торговли кокаином не миллионы, а миллиарды долларов. Империя стала крупнейшей отраслью колумбийской экономики и спонсировала кандидатуры мэров, членов различных советов, конгрессменов и президентов. К середине восьмидесятых годов в одном только Медельине у Эскобара было девятнадцать домов, каждый из которых имел вертолетную площадку. Он владел яхтами и самолетами, недвижимостью по всему миру, большими участками земли в Антьокии, многоквартирными домами, жилыми комплексами и банками. Денег поступало так много, что он уже не мог придумать, куда их вложить; многие миллионы были просто-напросто закопаны в землю для сохранности. Благодаря наплыву ино-

¹⁶ Подробно о становлении Медельинского картеля и его главарях читайте в: Гульотта Г., Лин Дж. Кокаиновые короли. – СПб.: Питер, 2024.

странной наличности в Медельин пришли хорошие времена. Начался строительный бум, создавались новые стартапы, а уровень безработицы резко упал. В конечном счете наркodenьги вывели из равновесия всю Колумбию и нарушили верховенство закона.

У Пабло была прекрасная возможность оседлать эту волну. Он потратил более десяти лет на то, чтобы создать местный преступный синдикат, а также отточить мастерство подкупа чиновников. Кокаиновый бум поначалу привлек любителей, для которых кокаин был гламурным флиртом с преступным миром. А для Пабло преступный мир был родной стихией. Он был жестоким, беспринципным и неистово честолюбивым. Он не был предпринимателем или талантливым бизнесменом. Он был безжалостным. Когда он узнал, что на «его» территории действует процветающая кокаиновая лаборатория, он взял ее под свой контроль. Если кто-то разрабатывал прибыльный маршрут доставки наркотика на север, Пабло требовал большую часть прибыли за защиту. Никто не смел ему отказать.

Молодой пилот из Медельина по прозвищу Рубин (*Rubin*), чьи навыки естественным образом привели его в кокаиновый бизнес, впервые встретился с Пабло в 1975 году. Рубин вырос в обеспеченной семье, которая отправила его в Соединенные Штаты учиться. В Майами он получил лицензию пилота и выучился свободно говорить по-английски. Когда его друзья, братья Хуан Давид, Хорхе и Фабио Очоа, начали

перевозить кокаин на север, Рубин с легкостью влился в их бизнес. Вскоре он покупал и продавал небольшие самолеты в Майами, нанимая пилотов для выполнения полетов на малой высоте. Рубин и братья Очоа не были головорезами, как Пабло и его банда, они были плейбоями, относительно хорошо образованными молодыми колумбийцами, считавшими себя модными и умными. Скоро они стали еще и богатыми.

Это их стиль и светские манеры помогли им перевозить кокаин, а не деловая хватка или связи с криминальным миром департамента Антьокия. Они чувствовали себя как дома среди элиты Майами, которая была основным потребителем их товара. Рубин идеально исполнял свою роль. Он был привлекательным, бесстрашным и энергичным, одним словом – эффектным. Его боссом в то время был медельинский предприниматель и типичный *paisa* по имени Фабио Очоа Рестрепо¹⁷, один из первых наркобаронов страны. В 1975 году Рестрепо переправил в США одну или две партии кокаина, каждая весом от сорока до шестидесяти килограммов, а в Майами килограмм наркотика продавался по сорок тысяч долларов и больше. Такое количество нелегально полученных денег привлекает акул.

¹⁷ Фабио Рестрепо, также известный как Дон Фабио, был патриархом семьи Очоа. Поскольку большая часть его состояния была получена не преступным путем, долгое время считалось, что сам он не связан с наркокартелем. Но те, кто был внутри, потом вспоминали, что «королем кокаина на самом деле был этот старик, он контролировал Эскобара, но сам ни дня не провел в тюрьме» (д/ф «Кокаиновые ковбои», реж. Б. Корбен, 2006).

Пабло связался с Хорхе Очоа, чтобы договориться о продаже его отцу Фабио Рестрепо неочищенного кокаина. Рубин сопровождал Хорхе в убогую, заваленную хламом и грязной одеждой квартирку в Медельине, у дверей которой их встретил пухлый молодой человек с густой копной вьющихся черных волос. Он комично вышагивал рядом с ними, этакий уличный пацанчик. На нем была большая рубашка поло не по размеру, синие джинсы, закатанные на лодыжках, и теннисные туфли. Для Рубина и Хорхе – молодых богатых денди – Пабло был лишь местной шпаной. Четырнадцать килограммов кокаина, которые лежали в ящике комода, были невесть каким товаром. Они купили кокаин и ушли, не впечатленные встречей. А два месяца спустя Рестрепо был убит. Его убийство вызвало шок. Кто-то вот так запросто взял и убил! В один миг кокаиновый бизнес Медельина возглавил новый человек. После смерти Рестрепо братья Очоа и Рубин с удивлением обнаружили, что теперь работают на Пабло Эскобара. Конечно, доказать, что Пабло убил Рестрепо, было невозможно, но он и не возражал, когда люди делали такой вывод. Плейбои-наркоторговцы недооценили местную шпану. Мелкий наркоторговец из низшего класса жестоко и эффективно пробил себе дорогу.

Рубин говорил о нем так:

– Пабло Эскобар не создавал, не планировал, не развивал ни одну сторону бизнеса. Он был бандитом чистой воды. С самого начала все боялись его. Даже позже, когда считали

себя его друзьями, все равно боялись.

В марте 1976 года Пабло женился на пятнадцатилетней Марии Виктории Энао Вальехо, стройной, красивой, темно-волосой и настолько юной, что Пабло пришлось получить специальное разрешение на брак от епископа (за определенную плату, разумеется). К двадцати шести годам Пабло был женат, богат, пользовался уважением или внушал страх и был на пути к осуществлению своей мечты. Но в процессе его стремительного взлета он успел нажить себе опасных врагов. По наводке одного из них агенты Административного департамента безопасности Колумбии (DAS)¹⁸ арестовали Пабло, его кузена Густаво и еще трех человек всего через два месяца после свадьбы, когда они возвращались из наркорейса в Эквадор.

Пабло уже арестовывали. Подростком он сидел в тюрьме города Итагуи, а в 1974 году его снова арестовали, поймав на угнанном «рено». Оба раза он был приговорен к нескольким месяцам заключения. На этот раз дело было серьезнее. Агенты департамента нашли тридцать девять килограммов кокаина, спрятанных в запасном колесе грузовика, на котором ехал Пабло и его товарищи, и этого было достаточно, чтобы отправить их в тюрьму надолго. Этот арест ввел Паб-

¹⁸ Административный департамент безопасности (*Departamento Administrativo de Seguridad, DAS*) – спецслужба Колумбии с 1960 по 2011 год. Обладал широкими полномочиями в сфере внешней разведки, контрразведки и иммиграционного контроля. Вел борьбу с наркобизнесом, сотрудничая с Управлением по борьбе с наркотиками США (УБН, *Drug Enforcement Administration (DEA)*).

ло в высшую лигу кокаиновых *contrabandistas* того времени.

Пабло попытался подкупить судью, но тот отказался от денег. Тогда о судье навели справки и выяснили, что у него есть брат-адвокат. Братья не ладили, и адвокат согласился представлять интересы Пабло в этом деле, зная, что судья, скорее всего, возьмет самоотвод, что и произошло. Новый судья оказался более сговорчивым, и Пабло, его двоюродный брат и трое подельников были освобождены. Этот маневр был настолько наглым, что спустя всего несколько месяцев апелляционный суд открыл дело повторно и постановил вновь арестовать Пабло. Но последующие апелляции затянули дело, и в марте следующего года, когда Пабло все еще был на свободе, два агента, ответственные за арест, Луис Васко и Жилберто Эрнандес, были убиты.

Пабло выработал особый стиль поведения с властями, который стал его визитной карточкой. Вскоре этот стиль стали называть просто *plata o plomo*: «серебро или свинец», то есть либо деньги от Пабло, либо пулю от Пабло.

Никто из окружения Пабло в Медельине не жаловался на его методы, потому что благодаря им они богатели. Пабло подмял под себя предпринимателей, лаборатории и наркоторговцев, таких как братья Очоа. Он их «опекал». Он контролировал маршруты поставки наркотика, взимая «налог» с каждого килограмма. Это было крышевание в чистом виде, преступный синдикат, результатом которого стала единая и хорошо организованная торговля кокаином. После того как

листья коки были выращены и очищены независимыми поставщиками, их товар присоединяли к партиям Пабло, за что они платили десять процентов от оптовой цены наркотика в США. Если крупная партия перехватывалась властями, Пабло возвращал деньги, но только ту сумму, за которую наркотик продавался в Колумбии. Продажа одной или двух партий в Майами, Нью-Йорке или Лос-Анджелесе с лихвой покрывала стоимость четырех или пяти потерянных, а усилиями наркоконтроля перехватывалось менее одного груза из десяти. Прибыль значительно превышала убытки.

И какую прибыль! Аппетит к белому порошку в Америке казался ненасытным. Денег было больше, чем Медельин мог себе представить, и достаточно, чтобы перекроить не только жизни его жителей, но целые города, целые нации! В период с 1976 по 1980 годы объем банковских вкладов в четырех крупнейших городах Колумбии выросли более чем в два раза. В страну хлынуло такое количество нелегальных американских долларов, что элита начала искать способы получить свою долю, не нарушая закон. Администрация президента Альфонсо Лопеса Микельсена разрешила центральному банку обменивать неограниченное количество долларов на колумбийские песо. Правительство также поощряло создание спекулятивных фондов, предлагавших непомерно высокие процентные ставки. Это были якобы законные инвестиции в спекулятивные рынки, но все знали, что на самом деле деньги были вложены в трафик кокаина. Правительство

закрывало на это глаза. Вскоре любой в Боготе, у кого были деньги, мог запросто инвестировать в наркобизнес и получать свой куш. Вся страна хотела присоединиться к Пабло.

За свои миллионы Пабло покупал защиту для партий кокаина на каждом этапе – от производства до переработки и дистрибуции. Он мотался между Перу, Боливией и Панамой, выстраивая контроль над всей цепочкой – сверху донизу. И не только он. В то же самое время братья Хорхе, Хильберто и Мигель Родригес Орехуэла создавали кокаиновый картель в городе Кали. В департаменте Антьокия с ними сотрудничали – а иногда и соперничали – Хосе Родригес Гача и эксцентричный полунемец Карлос Ледер. Взятки Пабло раздавал тысячами, а то и миллионами песо (сотни тысяч долларов), и мало кто из сотрудников правоохранительных органов был склонен противостоять этой неумолимой силе, сокрушающей все на своем пути, особенно если учесть альтернативу. Пабло даже немного подыгрывал им, иногда разрешая перехватывать одну-две партии, чтобы выглядело так, будто правоохранительные органы выполняют свою работу. Он мог себе это позволить. Никто не был в состоянии точно определить, сколько кокаина поступает на север. Оценки, как правило, были занижены в десять и более раз. В 1975 году американские правоохранители оценивали общий объем трафика в пятьсот-шестьсот килограммов в год – тогда же полиция города Кали случайно нашла шестьсот килограммов наркотика, спрятанных в одном самолете. Изъя-

тие партии привело к локальной войне между медельинскими группировками, которые обвиняли друг друга либо в том, что облажались, либо в том, что продались. Сорок человек были убиты. Такой объем поставок стал обычным делом, и бо́льшая их часть доходила до места назначения. Коррупция и наркоденьги развратили довольно слабые органы правоохранения. Это произошло так быстро, что представители власти в Боготе почти ничего не заметили.

После того как Пабло сумел избежать ареста в 1976 году, он понял, что ему не стоит бояться закона в Медельине. Он был неофициальным королем города. В этот период Рубин жил в Майами, поэтому несколько лет не видел ни Пабло, ни его друзей братьев Очоа. Когда в 1981 году он вернулся в Колумбию, то, по его словам, «цирк был в полном разгаре». У всех кокаиновых королей были особняки, лимузины, гоночные автомобили, личные вертолеты и самолеты, брендовая одежда и модные произведения искусства (некоторые, следуя примеру Пабло, который тяготел к аляповатости и вульгарности, нанимали декораторов, чтобы те формировали их вкус в живописи и скульптуре). Их окружали телохранители, подхалимы и женщины, женщины, женщины. Никто в Колумбии не видал такой шикарной жизни. Наркобароны открыли в Медельине роскошные дискотеки и изысканные рестораны.

Пабло, в частности, был известен аппетитами как у подростка. Он и его приятели играли в футбол по вечерам под

светом фонарей на полях, которые за его деньги выровняли и покрыли дерном, и платили комментаторам, чтобы те комментировали их любительские матчи так, как будто это были матчи профессионалов. Соперники и друзья по команде всегда старались, чтобы дон Пабло выглядел хорошо. Вскоре он и другие кокаиновые короли купят лучшие футбольные клубы в стране. Чтобы развлечь близких друзей, Пабло приглашал королей красоты для проведения вечеров эротических игр. Женщины раздевались и голыми наперегонки бежали к дорогому спортивному автомобилю, который получала победительница, или подвергались странным унижениям: брили голову, глотали насекомых или голышом лазали по деревьям. В спальне одной из своих резиденций он держал гинекологическое кресло – видимо, для развлечения. В 1979 году он построил роскошное загородное поместье на ранчо площадью две тысячи восемьсот акров недалеко от города Пуэрто-Триунфо на реке Магдалена, примерно в ста тридцати километрах к востоку от Медельина. Он назвал его «Гасиенда Наполес» (*Hacienda Napoles*). Только земля обошлась ему в шестьдесят три миллиона долларов, но это было лишь начало больших трат. Он построил аэропорт, вертолетную площадку и сеть автодорог. Он привез сотни экзотических животных: слонов, буйволов, львов, носорогов, газелей, зебр, бегемотов, верблюдов и страусов. Он построил шесть бассейнов и выкопал несколько искусственных озер. Особняк был обставлен всевозможными игрушками и предмета-

ми роскоши, которые можно было купить за деньги. Пабло мог одновременно разместить в поместье сотню гостей и развлекать их едой, музыкой, играми и вечеринками. Там были бильярдные столы и игровые автоматы, а также музыкальный автомат *Wurlitzer*¹⁹, в котором крутились записи любимого исполнителя Пабло, бразильского певца Роберто Карлоса. Перед входом в дом был выставлен седан тридцатых годов, испещренный пулевыми отверстиями, который, по словам Пабло, принадлежал Бонни и Клайду. Его гости катались на кроссовых мотоциклах по специально проложенным в его поместье ухабистым трассам или гоняли на гидроциклах по одному из озер. «Наполес» являло собой смесь эротики, экзотики и экстравагантности, управлял которой маэстро Пабло Эскобар. Он наслаждался скоростью, сексом, показухой, и ему были нужны зрители.

¹⁹ *Wurlitzer* (по названию фирмы-производителя) был культовым музыкальным автоматом эпохи биг-бэндов, настолько культовым, что в некоторых странах название стало нарицательным для любого музыкального автомата. Он не только «ставил» пластинки по выбору, но еще и отличался стильным ярким дизайном «с подсветкой». Иметь дома такую игрушку могли себе позволить не многие. Чаще ее можно было встретить в барах и танцевальных клубах, там посетители платили монетами за выбор музыкальных композиций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.